

Тихомирова Гульсания

Мы жили тогда в Казани в старом купеческом доме на втором этаже. Город в то время был «закрытым», здесь работали заводы на «оборонку»: выпускали танки, вертолёты и другую военную технику. Отсюда она отправлялась на фронт с первых же дней войны. А когда она началась, мне уже исполнилось – первого июня - семь лет...

Единственной «владелицей» радио во всей округе была наша соседка - работала на железной дороге, вот ей и установили радиоточку. 22 июня в четыре часа утра она нас разбудила криками: «Война началась! Война!» Все выбежали во двор, а по небу и по всей на улице - красное зарево... будто пожар. А нас ведь тогда еще не бомбили. Но у меня перед глазами до сих пор эта картина: война...

Все, конечно, были взбудоражены, напуганы... не передать словами.

Поначалу не понимали, куда бежать, если объявляли тревогу, и где бомбят,... Та же соседка стучала в двери: «Объявили тревогу, всем по бомбоубежищам!» А у нас их и не было... Вскоре в сквере около рынка, недалеко от дома, вырыли нечто вроде землянки, больше похожей на прикрытую яму. Вот туда и бежали. А потом конная милиция нас из нее выпроваживала: «Все по домам, это не здесь бомбят!»

Моя мама, Шамси Камал, была многодетной домохозяйкой, и в первый год войны ей, как и другим женщинам, привозили из госпиталя стирать и гладить бельё раненых. Маме было тяжело одной, и мы с братом Галеем, он был на два года меня старше, таскали для стирки воду. Потом чистое бельё относили в домоуправление, откуда его отправляли на фронт.

Сорок первый год был голодный, очень голодный... Помнится помойка возле нашего дома с проходным двором... И те, кому совсем нечего было есть, собирали у этой помойки картофельные очистки и жевали их, иногда здесь же... Мороз по коже, когда это вспоминаю. Мы с ними, мама посылала, делились, когда было чем... Это ведь же наши люди!

Рядом с городом был совхоз. Там сажали картошку, осенью её убирали, увозили на фронт. После уборки вход на поля был открыт, - мы брали у родителей тяпки и ходили искать оставшуюся в земле еду. И вот в один такой заход нас застала конная милиция, заставила собранную картошку отнести в совхоз, отобрала тяпки и отправила всех за родителями. Но никто из нас, конечно, родителей не стал расстраивать – ничего им не рассказали. Но после этого на поля не ходили, боялись. Только собирали на целине дикий лук, а мамы варили из них кашу. И, знаете, она была такая вкусная. Нам она тогда казалась очень вкусной...

Мама хорошо пекла и работала, примерно в середине войны, на ресторан. Ей выдавали масло, муку мешками, и она делала чибрики — толстые пончики размером с ладонь. Тесто для них мама месила в двух вёдрах до пота лица, мы с братом стояли рядом и тряпочкой ей пот вытирали. Она нас предупреждала каждый раз: «Ничего не трогайте! Тут всё по счёту!». А мы ходим около этих чибриков, голодные, так хочется их попробовать, а нельзя!.. Затем к нам приходили лотошницы с большими бельевыми корзинами, обтянутыми клеёнкой, забирали выпечку....

Иногда у нас дома собирались соседи. Мы с братом мыли полы, мама ставила самовар, а гости приносили всё, что можно было принести.... Однажды кто-то принёс картошку, так мы её ели, будто это пирожные.

Мои родители были мусульмане, и даже в голодные годы соблюдали всё, что им предписывала вера. В самом начале войны у них был Ураза-байрам, пост, и они купили себе две помидорки, чтобы после захода солнца их съесть.

Вечером объявили тревогу, все побежали прятаться, но она оказалась ложной. . Мы возвращаемся домой, а помидорок нет! Оказалось, что их съели мои братья: «Мы думали, бомбить будут, вдруг помидоры пропадут, ну, мы их и съели». Мама заплакала, обняла их и сказала: «Ну и ладно!»